

АЛАН
ДАУТИ

АРАБЫ И ЕВРЕИ В ОСМАНСКОЙ ПАЛЕСТИНЕ

СТОЛКНОВЕНИЕ
ДВУХ МИРОВ

УДК 94(569.4)

ББК 63.3(53)

Д21

Alan Dowty

ARABS AND JEWS IN OTTOMAN PALESTINE

Two Worlds Collide

Russian rights licensed from the original English-language publisher,
Indiana University Press

Перевод с английского Полины Борисовой

Даути А.

Д21 Арабы и евреи в Османской Палестине : Столкновение двух миров / Алан Даути ; пер. с англ. П.А. Борисовой. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 432 с.

ISBN 978-5-389-29963-4

Истоки арабо-израильского конфликта принято искать в XX столетии, однако в действительности точка невозврата была пройдена гораздо раньше. Конец XIX века, закат Османской империи. Первая волна евреев-идеалистов прибывает на Святую землю, веря в то, что несет с собой прогресс и процветание, и сталкивается с сопротивлением местного населения. Битва за каждый клочок земли, за колодцы и рабочие места стремительно превращается в более глобальный конфликт.

Известный историк, почетный профессор Университета Нотр-Дама, Алан Даути опирается на дневники, мемуары, письма, газеты той эпохи и разрушает миф о мирном сосуществовании народов до британского мандата. Почему население Палестины в этот период было настолько разным? Какую роль в этих событиях сыграли турки? Как воспринимали друг друга арабы и евреи, не желавшие лучше узнать чужую культуру и образ жизни? Шаг за шагом Алан Даути кропотливо воссоздает картину первых конфликтов, которые из локальных споров переросли в одно из самых непримиримых противостояний в новейшей истории.

УДК 94(569.4)

ББК 63.3(53)

ISBN 978-5-389-29963-4

© Alan Dowty, 2021

© Борисова П.А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
1. Палестина до сионизма	10
2. Русские евреи до сионизма	63
3. Столкновение двух миров	123
4. Недобрососедские отношения	175
5. Правда Земли Израильской	210
6. Расширение территории	245
7. Линии фронта	296
Эпилог	357
Примечания	364
Библиография	409

ПРОЛОГ

Данная книга зрела в утробе необычайно долго. Появившись на свет после моего посещения Оксфордского центра гебраистики и еврейских исследований, она демонстрирует, что охватывает два периода. Большая часть базовых исследований была проведена в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета и в Крессельском архиве Оксфордского центра. Хочу выразить благодарность упомянутому центру за создание благоприятной среды для моего проекта. Помимо всего прочего, я испытываю огромное облегчение, поскольку, в конце концов, мне есть что представить миру.

Институт изучения Израиля Азриэли при Университете Конкордия предоставил мне стипендию на ключевом этапе работы над книгой. Благодарю институт и его директора Чаба Николеньи.

Хочу добавить, что большая часть исходного материала была предоставлена Центральным сионистским архивом в Иерусалиме и архивными фондами Национальной библиотеки при кампусе Еврейского университета во время моего проживания в Иерусалиме.

Принявшись за данную книгу, я намеревался обратиться к самым истокам и проследить развитие арабо-еврейского конфликта в Османской Палестине в значительной степени посредством мемуаров, писем, дневников и первоисточников изучен-

ных эпох. Тем не менее все вышеперечисленное поднимает вопрос о постоянном дисбалансе. Евреи не могут пожаловаться на недостаток таких источников, многие даже официально опубликованы. Что касается арабских записей того периода, то их гораздо меньше, особенно это заметно на примере источников до расцвета арабского национализма, датированных годами незадолго до Первой мировой войны. Существуют и другие виды арабских (и турецких) источников, к которым прибегли исследователи из Палестины и прочих стран. Так, например, Рашид Халиди изучал газеты, Невилл Мандел и Александр Шольц — дипломатические и правительственные документы, а Юваль Бен-Бассат — судебные протоколы. Я многое почерпнул из этих исследований и подобных им, однако ощущается недостаток в показаниях непосредственных свидетелей со стороны арабов о локальных стычках, которые являются важной частью истории. Многие евреи пытались описать и понять своих арабских соседей, но все же их рассказы весьма субъективны.

Также читатели заметят, что настоящий труд больше фокусируется на первой алии (волне еврейской иммиграции в Палестину) 1882–1905 гг., чем на второй 1905–1914 гг. Отчасти это можно объяснить тем, что вторая алия*, хоть и охватившая менее продолжительный период, но ставшая объектом более повышенного исторического внимания, нуждается в менее детальном рассмотрении. По правде говоря, я завершаю данное исследование с чувством, что первую алию не просто недооценивают, но даже очерняют в контексте ее влияния на арабо-еврейские отношения и расцвет сионизма в целом. Итак, данное произведение можно рассматривать как нечто вроде попытки снизить прежнюю заикленность на второй алии и даже поста-

* Вторая алия — вторая волна еврейской иммиграции в Палестину (1904–1914), состоявшая преимущественно из молодых социалистов-идеалистов из Российской империи. Именно эта группа заложила фундамент политических и экономических институтов будущего Государства Израиль. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

вить под сомнение глубину различий между двумя волнами иммиграции. То, что произошло между арабами и евреями в последнее десятилетие перед Первой мировой войной, в сущности, было закономерным продолжением их отношений, сложившихся в предыдущую четверть века.

Для удобства читателя там, где это возможно, я приводил множество опубликованных первоисточников с их переводами на английский язык для цитирования. Все переводы на английский язык выполнил я, если не указано иначе. Я использовал систему Академии языка иврит для латинской транслитерации иврита и систему Американской библиотечной ассоциации и Библиотеки Конгресса для транслитерации арабского. Поскольку еврейский календарь не соответствует григорианскому, даты публикации в некоторых источниках на иврите будут указаны как два года подряд.

1

ПАЛЕСТИНА ДО СИОНИЗМА

Мог бы внимательный наблюдатель из Палестины XIX века проследить зарождение будущей борьбы между евреями и арабами за эту землю?

Вряд ли. Тогда никто не мог предвидеть будущий конфликт. До первой волны еврейской иммиграции в 1880-х гг. наиболее надежными рассказчиками о Палестине были европейские и американские путешественники, и они не считали, что Земля обетованная — именно то место, куда евреям и арабам стоило стремиться. Крошечная и обедневшая еврейская община, выживавшая в основном за счет благотворительности, вряд ли была в силах претендовать на территориальные владения, а арабы, жившие под турецким гнетом, будто были лишены политической идентичности или амбиций. Никто из потенциальных претендентов не вызывал доверия. Для посторонних все это напоминало унылый спектакль с неубедительным сценарием и бездарными актерами.

СКОРБНАЯ ПУСТЫНЯ

Относительно увиденного западные наблюдатели оставили едкие комментарии. С их ограниченной точки зрения, палестинские земли в составе Османской империи отличались унылым

запустением, неукротимыми беззакониями и возмутительной нуждой. Те, кто считал себя религиозными, воспринимали это как божественную кару нехристиан. Уильям Томсон, американский протестантский миссионер, прожил более 40 лет в Бейруте и после посещения палестинских территорий в 1857 г. написал, что их «скорбные пустыни и руины обличают гордыню человеческую и свидетельствуют об истине Божьей» [1].

Неверующие наблюдатели бывали столь же резки. Тридцатидесятилетний Марк Твен, в то время известный только своими короткими рассказами и юмористическими путевыми заметками, посетил Палестину в 1867 г. в рамках своего пятимесячного путешествия, которое он впоследствии описал в книге «Простак за границей». Равнодушный к библейским мотивам, вдохновлявшим других, он заключил: «Я нигде не лицезрел пейзажей унылее, чем в Палестине... Палестина окутана вретисцем и пеплом. Над ней нависло проклятие, иссушившее ее поля и забравшее жизненные силы». Голые холмы как бы олицетворяли собой неказистые города — «совершенно уродливые, тесные, заброшенные, неудобные и грязные» [2]. Замечания Твена перекликались с замечаниями другого знаменитого американского писателя, Германа Мелвилла, посетившего Палестину в 1857 г. и отметившего в своем дневнике, что, глядя на пейзаж, «вы видите анатомию — эти земли кажутся скелетом в сравнении с другими, которые пышут здоровьем, как живой и румяный человек». Мелвилла поразили контраст между реальностью и религиозными описаниями: «Невозможно без сожаления думать о равнодушии природы и человека ко всему, что делает эту землю священной для христиан» [3].

Неудивительно, что туристы из озелененных стран Европы и Америки были шокированы каменистой засушливостью большей части Ближнего Востока. Подобное замечают и сегодня. Помимо этого, они были поражены немногочисленностью населения даже в тех местах, которые казались благоприятными для жизни. Проезжая по долине Шарон среди «яркой ранневесенней зелени» в 1873 г., преподобный Самюэль Мэннинг, амери-

канский автор и иллюстратор множества путевых заметок, писал, что повсюду росли полевые цветы, но при этом «такая плодородная земля, которая могла бы прокормить огромное количество человек, фактически безлюдна». На берегу Галилейского моря, где в древности плавали большие флотилии, Мэннинг обнаружил только «один грязный разрушенный городок, Тверию, полдюжины обездоленных деревушек и черные бедуинские палатки». По его словам, во всей Иорданской долине «ни одного оседлого жителя» [4]. Клод Ренье Кондер, британский военный инженер, тщательно исследовавший Палестину в рамках Общества исследования Палестины Palestine Exploration Fund в 1870-х и 1880-х гг., писал, что «эта земля малонаселена, и было подсчитано, что Палестина могла бы в настоящее время прокормить в десять раз больше человек» [5]. Многие западные туристы придерживались схожей точки зрения [6].

Встречая местных жителей, они высказывались потом весьма сурово. Когда Мэннинг на корабле приплыл в Яффу, то наткнулся на несколько лодок, «которыми управляли полуголые арабы; они выли, вопили и дрались как одержимые дьяволом». Добравшись наконец до берега, «мы были облеплены несчастными существами, которые требовали бакшиш (взятку)*... Отвратительное зрелище и еще более отвратительный запах. Полнейшее оскорбление для всех органов чувств» [7]. Также приезжие часто высказывались по поводу так называемой праздности и фатализма, присущих палестинцам. Томсон утверждал, что «леность, вероятно, издревле была очень распространенным пороком в этой стране» [8]. Чарльз Томас Уилсон, британский миссионер, позднее написавший о крестьянской жизни в Палестине, уверял, что фатализм в «восточном мышлении» потенциально «губителен для всякой гражданской власти» и чреват пренебрежением банального здравого смысла: «Дороги, протяженные вдоль края пропасти, зача-

* Здесь термин «взятка» оставлен из оригинальной цитаты туриста, однако следует отметить, что бакшиш — это не взятка в юридическом смысле, а прежде всего чаевые, милостыня или вознаграждение.

стю не ограждены никакой защитной перегородкой... Дома строятся без парапетов по краям крыш» [9].

По обыкновению, Марк Твен крайне резко и красноречиво высказался. Подчеркивая различия между идеализированной картиной Востока и неприглядной реальностью, он отметил, что на той картине не было «ни запустения, ни грязи, ни лохмотьев, ни блох, ни уродства, ни воспаленных глаз, ни пирующих мух, ни безумного невежества на лицах, ни царапин на ослиных спинах, ни верблюжьей вони». В общем, «восточные сюжеты лучше всего смотрятся на гравюрах на стали. Меня более не впечатляет царица Савская в гостях у Соломона. Я скажу: «Вы прекрасно выглядите, мадам, но у вас грязные ноги, и от вас воняет верблюдом»» [10].

Подобные негативные стереотипы распространялись не только священниками и интеллигенцией, которые ожидаемо предвзято относились к иным культурам и религиям. Вот замечания, на которые предлагается обратить внимание туристам с Запада в одном из первых путеводителей, опубликованном в 1868 г. Автор, некий Джозиас Лесли Портер, предупреждает будущих паломников, что «по одежде, нравам, обычаям и языку» жители Святой земли «сплошь примитивны». Вдобавок «арабы необразованные, они не имеют представления обо всех франкских [европейских] изобретениях». Вообще о мусульманах говорится как о «гордых», «фанатичных», «лживых» и «безнравственных». Турецкие правители описаны как «невежественные и самонадеянные, тщеславные и фанатичные, гордые, бесчестные, подлые и наглые» [11]. Любой путешественник, восприняв всерьез написанное, приехал бы в Палестину в ожидании наихудшего.

Более всего чужеземцев поражало элементарное отсутствие закона и порядка. По их словам, малочисленность населения на открытых территориях являлась следствием полнейшей незащищенности. Английский священник и библиист Генри Бейкер Тристрам, неоднократно бывавший в Палестине в период с 1858 по 1881 г., писал, что «ничто так явственно не выдает незащищенность, веками терзавшую эту землю, как повсеместное отсут-

ствие отдельных поселений». Несмотря на всю свою необъятность и плодородие земель, там не было ни одной деревни: «все они спрятаны в горных ущельях», укрыты от налетчиков [12]. Путешественников предупреждали, что территории за пределами городов и деревень обычно находились под наблюдением бедуинов, и рассказы путников были полны описаний насилия и вымогательства со стороны этих не знавших никакого порядка племенных кочевников. Джеймс Финн, британский консул в Иерусалиме с 1846 по 1863 г., писал о набегах бедуинов так: «Никто, кроме очевидцев, не может в полной мере передать картину разорения, творимого за считанные часы этими дикими полчищами. Как саранча, они расползаются по земле... вытаптывая все посевы кукурузы и овощей, оставляя голые бурые пустоши там, где годами трудились, возделывая поля и виноградники. Но и это еще не все, поскольку скот и лошадей мародеры сгоняют в пустыню, ничего не оставляя несчастным крестьянам после себя» [13].

В те годы Финн часто занимался урегулированием конфликтов между жителями местных деревень и бедуинскими племенами, что было странным занятием для иностранного дипломата. Во время путешествия в начале 1840-х гг. известный английский писатель Уолтер Китинг Келли обнаружил, что, даже передвигаясь по главной дороге из Иерусалима в Иерихон, требуется иметь вооруженную охрану для защиты от бедуинов, которые «время от времени набрасываются на добычу» [14].

На основных дорогах в основном не было проблем с безопасностью, но в других местах иностранцам рекомендовалось носить оружие и/или иметь вооруженное сопровождение. В путеводителе 1868 г. говорилось, что револьвер — «полезный спутник» и что для наилучшего эффекта его следует носить на видном месте. А вот в «менее популярных районах» вооруженный эскорт становился необходимостью и, как правило, состоял из «членов племени той деревни, которую планируется посетить» [15].

Критические высказывания европейских и американских туристов, разумеется, не отражают полной и объективной карти-

ны Палестины того времени. Некоторые другие исследователи создают куда менее несчастный образ. Например, арабский путешественник Нуман аль-Касатли, побывавший там в 1874 г., дает более положительную характеристику торговле и промышленности, а также отмечает, что население в целом жило хорошо [16]. Также не все туристы с Запада были настроены негативно. Джордж Адамс Смит, британский специалист по Ветхому Завету и автор исторической географии 1894 г., переизданной 25 раз, допускал, что Палестина — это «дохлая земля», но затем отметил, что на ее территории множество живописных мест [17]. Несмотря на свою озабоченность вопросами безопасности, Уолтер Китинг Келли не согласен с представлением о Палестине как о пустой и запустелой земле: «Писатели, назвавшие “благодатную землю” Палестины столь неплодородной... никогда не видели равнину Шарона в чудесном весеннем одеянии» [18]. Томсон смягчает свой нелестный взгляд на палестинские пейзажи лирическими описаниями еженедельных ярмарок в Изреельской долине и сезона сбора урожая на той самой равнине Шарона, которую другие (по крайней мере в более ранние годы) находили столь унылой [19].

Неважно, на чем заостряли внимание путешественники с христианского Запада — на неплодородии или красоте увиденного, — они, как правило, опирались на библейскую систему координат. Они напрямую связывали встреченную ими отсталость с Палестиной из Священного Писания, отражавшей безвременье Святой земли и приближавшей их к древности. «В отдаленных деревушках [Палестины], укромных ущельях и безлюдной глуши, — писал Чарльз Томас Уилсон, — жизнь во многом такая же, какой она была, когда Иаков пас свои стада на тех самых холмах, а Руфь собирала урожай на вифлеемских полях» [20]. Однако величественные пейзажи вызывали в воображении картины неподвластной времени Палестины: «Холмы, долины, море, равнины — все это поражало своей красотой, основные черты которой не изменились за долгие века» [21]. Большинство западных туристов, побывавших

в Палестине, разделяли религиозные убеждения Тристрама, который утверждал: «Я могу засвидетельствовать абсолютную истинность бесчисленных случайных аллюзий в Священном Писании... Святая земля не только проясняет многие моменты, но и доказывает подлинность СВЯТОЙ КНИГИ» [22].

РЕАЛЬНОСТЬ: ПАЛЕСТИНА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Туристы с Запада, особенно те, у кого были сильные религиозные порывы и кто рассматривал Палестину лишь как один из этапов истории, не были способны полностью понять суть факторов, преобразовавших эту землю в XIX веке. Период, непосредственно предшествовавший появлению первых современных еврейских поселений, — примерно с конца Крымской войны 1856 г. до 1880-х гг., — был, в частности, отмечен фундаментальными сдвигами в сфере власти, экономики и отношений с внешним миром. Его можно охарактеризовать как «абсолютно новый этап» в истории Палестины, озаглавленный, с одной стороны, волной османских реформ и централизацией, а с другой — проникновением и интеграцией Европы в мировую экономику [23].

На фоне всех этих перемен Европа все активнее вовлекалась в события на Ближнем Востоке. Россия теснила Османскую империю с юга, захватив в 1783 г. Крым и стремясь к своей главной цели — контролю над проливами Босфор и Дарданеллы, которые перекрывали ей выход из Черного моря. А в 1798 г. Наполеон Бонапарт, вскоре ставший императором Франции, совершил первое европейское завоевание на исламском Ближнем Востоке после полного разгрома крестоносцев пятью сотнями лет ранее. Краткое вторжение Наполеона в Египет и Палестину положило начало более чем столетней европейской интервенции, которая завершилась разделом этой территории между колониальными державами после Первой мировой войны.

Наполеоновские походы в последующие годы омрачили обстановку в Палестине. Мухаммед Али, военачальник албанского происхождения, захватил власть в Каире в результате беспорядков и основал египетскую династию (Алави́я), которая просуществовала до насеровского переворота 1952 г. Хотя формально Мухаммед Али все еще подчинялся османскому султану, он единолично правил Египтом и даже угрожал другим османским владениям. Египетская армия под командованием Ибрагим-паши, сына Мухаммеда Али, в 1832 г. завоевала Палестину и Сирию и некоторое время даже угрожала походом на сам Константинополь. Египтяне были изгнаны из Сирии и Палестины в 1840 г. международной коалицией, которая вследствие своих внутренних разногласий предпочла предотвратить распад Османской империи. Тем не менее в результате всех этих событий территория Палестины оказалась открыта для нового вмешательства извне, что привело к восстанию против египетского режима в 1834 г., которое, возможно, является первым проявлением палестинской политической идентичности [24]. Первый специалист по истории арабского национализма Джордж Антониус* дошел до того, что назвал Ибрагим-пашу первым современным арабским националистом и заявил, что его неспособность вовлечь в свое дело людей, не являвшихся египтянами, объясняется тем, что он «опередил зарождение современного арабского национального сознания» [25].

В то время в Османской империи не было ни одной административной единицы, которая соответствовала бы западным представлениям о Палестине. Три округа (санджаки), которые позже были объединены в британский мандат Палестины — Иерусалим (юг), Наблус или Балка (центр) и Акко (север), — до 1830 г. входили в состав провинции (вилайета), управляемой из Дамаска. С 1830 по 1864 г. эти три района были включены

* Джордж Антониус (1891–1942) — ливанско-египетский интеллектуал, дипломат, автор фундаментального исследования «Арабское пробуждение» (1938), заложившего основы изучения истории арабского национализма.

в состав другой провинции, управляемой из Сидона (современный Ливан), Акко или Бейрута. В 1864 г. они были вновь присоединены к Дамаску.

Трижды — в 1830, 1840 и 1872 гг. — турки обсуждали планы объединения трех палестинских округов в новую провинцию Палестина. Однако во всех трех случаях они отклонили эту идею, опасаясь, что концентрация святых мест в одной территориальной единице вызовет пристальное внимание со стороны Запада, и тогда они смогут вмешаться [26]. Однако в 1873 г. они признали исключительную важность Иерусалима, провозгласив его независимым санджаком (или мутасаррифатом), подчиненным непосредственно Константинополю [27]. В 1888 г. два оставшихся палестинских округа, Наблус и Акко, были присоединены к новому вилайету Бейрут, таким образом, Палестина осталась разделенной. Впрочем, несмотря на такое административное деление, очевидно, что понятие Палестина укоренилось не только в сознании внешнего мира, но и среди преимущественно мусульманского населения этих земель.

Демографическая ситуация в Палестине в тот период была далеко не стабильной. Население трех округов, вместе взятых, в 1800 г. составляло порядка 275 000 человек (сегодня на этой же территории проживает почти 12 миллионов) [28]. Это указывало на уменьшение количества деревень и сокращение плотности населения за предыдущие два столетия, что является причиной существования заброшенных деревень, которые упоминались туристами [29]. Но к 1882 г. — началу формирования современных еврейских поселений — их число выросло до 462 465, согласно наиболее точным данным по Османской империи, причем 65 % этого прироста пришлось на период после 1850 г. [30] Такой прирост, почти удвоивший население примерно за 80 лет, свидетельствует о повышении уровня базовой безопасности, улучшении физического состояния и экономических достижениях. Например, начиная с 1840-х гг. во многих заброшенных деревнях вновь появились люди.

В начале XIX века мусульмане составляли 89 % населения, христиане — около 8 %, евреи — 2,5 %. Спустя 80 лет данные цифры незначительно поменялись, став 87, 9,5 и 3,2 % соответственно. Фактически все мусульмане и христиане были арабами как в языковом отношении, так и в культурном. Исключением были в основном турецкие чиновники и солдаты-мусульмане в одном случае и некоторое количество христианских священнослужителей иностранного происхождения в другом, причем и те и другие составляли менее 1 % представителей данного сообщества [31].

Помимо религии, арабы были разделены и по другому признаку. В начале века арабские племена в Палестине продолжали называть себя «кайс» или «яман», в зависимости от того, откуда они были родом: из Северной или Южной Аравии. Эти по большей части надуманные идентичности все еще время от времени становились причиной жестоких столкновений, хотя к концу столетия Чарльз Томас Уилсон отметил, что такие конфликты «в значительной степени ушли в прошлое» [32].

Многие наблюдатели выделяли три основных сегмента арабского населения: горожане (к которым относили местную элиту), сельские жители и кочевые бедуины. Сельские жители, известные как феллахи, были фермерами или крестьянами, которые, по сути, составляли основу экономики, но при этом сталкивались с презрением как со стороны горожан, так и со стороны бедуинов. Финн описывал феллахов как людей, «пребывавших в очень низком социальном статусе, приближенном к варварству», живших в «убогих» домах, и все плоды их труда доставались в основном землевладельцам и сборщикам налогов [33]. В путеводителе Портера говорилось, что феллахи «едва ли не менее дикие и необузданные, чем бедуины... Это грубая, подвижная и буйная порода», и путешественникам рекомендовалось «относиться к ним с подчеркнутой сдержанностью» [34].

Бедуины-переселенцы считали себя, равно как и другие люди, «истинными» арабами, оставшимися носителями древнего наследия, и иногда ярлык «араб» закреплялся только за ними и ни

за кем больше. Они пользовались славой беспредельщиков и грабителей, а европейские священники и ученые, осмеливавшиеся проникнуть на их территорию, редко удаивали их добрыми словами, называя «грязными грубиянами», «злыми головорезами», «хищными зверями», «сухопутными пиратами» и «наглыми варварами». И вновь им пришлось обратиться к Библии, чтобы осмыслить то, с чем они столкнулись: бедуины были «потомками Измаила, мало чем отличавшимися по внешнему виду от своего дикого предка-кочевника» [35].

То, что этим разобщенным народом командовали правители другой языковой и этнической принадлежности, османские турки, было еще одним препятствием на пути к формированию чувства общей идентичности. Большинство разделяло с турками узы ислама, что подкреплялось всеобщим признанием османского султана как халифа, преемника Мухаммеда в качестве титулярного повелителя мусульман. Однако, помимо сказанного, чувство принадлежности государству или разделяемого общественного интереса также было заметно слабым. Иностранцы отмечали отсутствие чувства патриотизма, схожего с европейским; патриотизм араба, писал один из них, «ограничивается собственным домом; все, что выходит за его пределы, его не касается» [36]. Именно этим можно было объяснить неразвитость общественных работ: отсутствие дорог, обветшание служебных зданий, скопления мусора.

До середины XIX века османское правление было сосредоточено главным образом на двух направлениях: сборе налогов — обычно через налогового откупщика, который стремился получить как можно больше, — и вербовке военных, когда это было необходимо [37]. Фактическая власть в основном оставалась в руках местных шейхов и представителей знати, что устраивало почти всех. Один турист в тот ранний период заметил, что «феллахи не обращались в городские турецкие суды, если они могли этого избежать», они предпочитали выполнять предписания деревенских вождей и старейшин, почитаемых за свою муд-

рость [38]. Мало кто из арабов смог занять высший пост в османском чиновничьем аппарате, при этом представители крупных арабских семей служили посредниками между населением и властью. Хотя османские правители не оказывали сильного влияния на местную политику, палестинские провинции были достаточно важны для Константинополя из-за их религиозного значения, роли основного маршрута для хаджа в Мекку и давления со стороны европейских держав, стремившихся закрепиться на Святой земле [39].

Египетская оккупация Палестины и Сирии в 1832–1841 гг. и необходимость поддержки со стороны Великобритании и Австрии для прекращения этой оккупации побудили османского султана начать масштабную программу реформ, модернизации и централизации, известную как Танзимат (упорядочение). В 1839 г., еще до прекращения оккупации, султан Абдул-Меджид обнародовал основанную на европейских образцах императорскую программу реформ (Хатт-и-шариф), которая предполагала упорядочение и расширение системы власти по всей империи, прекращение налогового обложения, создание государственных школ и университетов, секуляризацию судебной системы и (по крайней мере в теории) равенство всех подданных независимо от их вероисповедания. Последствия для палестинских земель были ясны: после ухода египтян османские власти планировали укрепить свой контроль над арабоязычными районами и ограничить свободу местных шейхов и знати. Как заявил один из османских представителей власти непримиримым шейхам: «Раньше турецкие правители не имели должного влияния в Сирии, мы не могли заставить вас подчиниться, но теперь все иначе, и, если вы не покоритесь, я... выброшу вас в море» [40].

Вторая волна реформ Танзимата началась с императорского рескрипта от 1856 г. (Хатт-и-хумаюн), который отменил любую дискриминацию по религиозному, языковому или расовому признаку, что стало большой переменной для мусульманского ре-

жима. Таким образом, гарантировалась свобода вероисповедания (однако в другую веру мусульмане обращаться не могли). Иностранцы могли владеть землей, но при условии заключения соглашений с соответствующими государствами. В то время как Хатт-и-хумаюн вывел права человека на новый уровень, он также способствовал дальнейшей интервенции в другие страны. Помимо прочего, время появления данного документа служит напоминанием о зависимости от поддержки европейских держав. Он был обнародован, когда заканчивалась Крымская война 1853–1856 гг. (тогда турки были спасены в очередной раз от опасного противника — Российской империи). Спасители (прежде всего Великобритания и Франция) настаивали на дальнейшем расширении османской территории, в особенности «Святой земли».

Минимизируя религиозные и этнические различия, османское правительство надеялось не только воспрепятствовать развитию сепаратистского национализма внутри империи, но и не дать европейским державам повода для вмешательства в поддержку таких движений. Рескрипты 1839 и 1856 гг., за которыми последовал Национальный закон от 1869 г., были нацелены на формирование общей османской идентичности вместо множества других. В период правления Абдул-Хамида (1876–1909) было открыто около 10 000 школ разного уровня, пропагандировавших государственную идеологию «османизма» [41].

Влияние Танзимата, как и всех подобных масштабных программ, не было равномерным. Медленно развивались государственные школы и светские суды, при этом в основном правосудие по-прежнему осуществлялось в соответствии с местными обычаями и законами. Прекращение налогового откупа и организация более эффективного налогообложения не означали увеличения доходов для удовлетворения потребностей местного населения; напротив, все больше и больше средств уходило в Константинополь и другие города, и лишь небольшая часть (в некоторых случаях 5–15 %) направлялась на финансирование

Даути Алан
АРАБЫ И ЕВРЕИ
В ОСМАНСКОЙ ПАЛЕСТИНЕ
Столкновение двух миров

Руководитель редакции *Марьяна Терехова*
Ответственный редактор *Лиза Солодовникова*
Редактор *Марина Кедрова*
Художественный редактор *Ольга Жукова*
Технический редактор *Лидия Синицына*
Корректоры *Светлана Луконина, Ольга Левина*
Компьютерная верстка *Вера Брызгалова*

В оформлении обложки использованы фотография гробницы царя Давида (1880 г.)
и материалы © artyway / Shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.09.2026.

Формат 60×88^{1/16}. Гарнитура «Minion Pro».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,23.

Тираж 2000 экз. М-NWN-39114-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» –
обладатель товарного знака КоЛибри
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т,
д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы,
68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде баспш шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
от 29.12.2010 г. не распространяется.

«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.